

ОБЛИК УЧЕНОГО (ТВОРЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ)

**Борис Григорьевич
Юдин:
«К биоэтике
я шел непростым
путем»**

Борис Григорьевич Юдин — член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, заведующий отделом комплексных проблем изучения человека Института философии Российской академии наук. Вице-президент Российского национального комитета по биоэтике РАН. Главный редактор научно-популярного журнала РАН «Человек». Представитель России в Руководящем комитете по биоэтике Совета Европы. Член Совета директоров Международной ассоциации биоэтики.

Опубликовал свыше 270 научных работ в таких областях, как методология системных исследований и самоорганизация, философия, социология и этика науки, биоэтика, человеческий потенциал России, методология комплексных исследований человека.

В Московском гуманитарном университете является руководителем Центра биоэтики Института гуманитарных исследований.

Представляем нашу беседу с ним о его жизненном пути, о становлении в науке.

— Борис Григорьевич, что или кто повлиял на Вас, чтобы Вы выбрали философскую стезю, стали специалистом по биоэтике?

— Это долгая история. По образованию я инженер, окончил МВТУ им. Баумана. Когда после

школы выбирал вуз, мне было все равно куда поступать, фактически выбор за меня сделали родители. Они оба работали в сфере черной металлургии. Правда, их желание было связано не только с тем, чтобы я продолжил семейные традиции... Дело в том, что у меня был старший брат Эрик Григорьевич Юдин, 1930 года рождения, старше меня на 13 лет. Он был самым близким для меня человеком, и его судьба во многом предопределила мой путь.

По образованию брат был юристом, но затем переквалифицировался, защитил кандидатскую диссертацию по философии, поехал в Томск в 1955 году и преподавал философию в пединституте. Далее, в 1956 году имели место известные венгерские события: подавление восстания советскими войсками. В политическом смысле в стране в целом была оттепель, но в тот период произошел определенный возврат к жестким порядкам. А мой брат выступил на партсобрании пединститута с критикой местных партийных начальников. Наряду с этим он выразил недовольство тем, что общество недостаточно информирует о событиях в Венгрии...

После этого начались гонения: его исключили из партии, уволили с работы; по-

страдали и студенты, которые пытались защитить своего преподавателя. Брат поехал в Москву, чтобы подать апелляцию, как-то оспорить эти решения. Порядки в Москве тогда были существенно мягче, и если бы ему удалось добраться, вполне вероятно, дело было бы пересмотрено. Однако по дороге его сняли с поезда сотрудники КГБ и повезли назад в Томск уже под арестом. Началось следствие, его обвиняли в антисоветской агитации и пропаганде.

У нас дома в Москве производили обыски. Нашли его письма, которые он писал маме и в которых, в частности, весьма критически отзывался о партийной бюрократии. Письма эти изъяли, они фигурировали в деле. В начале 1957 года состоялся суд, ему дали 10 лет по знаменитой статье 58-10 ч. I УК РСФСР по обвинению в антисоветской пропаганде.

Родные и некоторые из его друзей все время хлопотали за его освобождение. Наконец, в самом конце 1959 года нашей маме удалось дойти до генерального прокурора СССР Руденко. Он ее принял, выслушал, просмотрел документы и распорядился снизить срок до фактически отбытого. Вскоре брата освободили. Как раз в это время я заканчивал школу. Может быть, у меня и были тогда гуманитарные наклонности, но для родителей была страшна сама мысль о том, чтобы я учился на гуманитария: отнюдь не без оснований этот род деятельности представлялся им очень опасным, казалось, что я все время буду подвергаться риску...

Так я и поступил в 1961 году в МГТУ им. Баумана.

— *Сложно было учиться?*

— Конечно, сам вуз достаточно сложный. Но по тем временам считалось, что если человек усидчивый, пусть даже без каких-то выдающихся способностей, то он вполне может нормально учиться. Поэтому у меня серьезных проблем не было.

Чтобы объяснить свой дальнейший выбор, вернусь снова к судьбе брата. Он приехал в Москву в 1960 году. Сначала долго не мог устроиться на работу, поскольку для по-

лучения работы нужна была московская прописка, а ее не давали, так как у него не было работы. Такой бюрократический заколдованный круг в те времена был вполне обычным явлением. В конце концов ему удалось устроиться на работу прессовщиком на заводе резинотехнических изделий.

— *Будучи кандидатом наук?*

— Да, именно так. Между прочим, когда его арестовали, то из Томска обращались в Москву, в ВАК, с тем чтобы лишить его степени. В ВАКе, однако, нашлись приличные люди, которые этому воспрепятствовали. Трудился прессовщиком он несколько лет, это была тяжелая физическая работа. Кроме того, то был завод, на котором в сталинские времена работали зеки. Но Эрик не сломался.

Через некоторое время он познакомился с замечательным философом-методологом Георгием Петровичем Щедровицким и стал посещать руководимый им семинар. Теперь этот семинар именуют «Московским методологическим кружком». Довольно быстро мой брат стал одним из лидеров этого семинара. Мы с ним были чрезвычайно близки, общались очень много, и он начал вовлекать меня в философию, ориентируя прежде всего на изучение истории философии.

Институт я окончил в 1967 году. А мои первые публикации появились, когда я еще был студентом.

— *На какую тему эти публикации?*

— Они были посвящены проблемам самоорганизации, самоорганизующихся систем. Одной из центральных тем семинара Щедровицкого был системный подход, который тогда только-только начинал разрабатываться. На взлете была кибернетика, до этого долго подавлявшаяся. Я стал заниматься этими сюжетами. Тема моей кандидатской диссертации звучит так: «Методологический анализ представлений о самоорганизации».

— *Окончив институт, Вы сразу поменяли направление?*

— Не совсем. Сначала я пошел работать по специальности — инженером в НИИ металлургического машиностроения. Прек-

тировал металлопрокатное оборудование. Но параллельно поступил в заочную аспирантуру по философии в Институт естествознания и техники (ИИЕТ). Как раз в это время там был создан сектор системных исследований науки, где и стал работать мой брат. В рамках этого сектора оформился знаменитый треугольник ученых «Блауберг — Садовский — Юдин» (или как сокращенно их называли — «БСЮ»), которых признали основоположниками системного подхода в стране. Эрик умер в 1976 году, Блауберг — в 1990-м.

— *Кто из участников этого треугольника стал Вашим научным руководителем?*

— Вадим Николаевич Садовский. Защищался я в 1970 году. Я поработал инженером год с небольшим и в конце 1968 года ушел из НИИ металлургического машиностроения.

В то время от Института философии отпочковался Институт конкретных социальных исследований. Директором его стал академик Алексей Матвеевич Румянцев. Социология долгое время была у нас под запретом, считалась буржуазной наукой. Но вот началась ее реабилитация, и одним из первых шагов в этом направлении стало создание этого института. Правда, слово «социология» в его название ставить все-таки не решились... В составе института был блестящий, как теперь очевидно, теоретический сектор, который возглавлял Юрий Александрович Левада. С начала 1969 года я стал работать в нем. А дальше начались гонения на наш институт...

— *Что произошло?*

— Настала пора очередного «закручивания гаек». В 1968 году была Пражская весна: известные события в Чехословакии, закончившиеся вводом туда войск СССР и некоторых восточноевропейских союзников. Это повлекло за собой определенное ужесточение режима и в нашей стране. В какой-то момент напали на социологию, а более конкретно — на Леваду. У него ротاپринтом были напечатаны две книги — «Лекции по социологии» (замечу, учебников тогда вообще не было). В Академии общественных наук —

партийном учебном заведении, кузнице идеологических кадров, организовали зубодробительное обсуждение этих книг. Таким был очередной всплеск идеологической борьбы.

— *А Вас он наверняка как-то коснулся, ведь Вы работали в секторе Левады?*

— Да, дальше на институт напустили комиссию из ЦК КПСС, которая пришла нас проверять. Она приняла достаточно жесткие решения. Очень многих людей уволили, и одним из самых первых под огонь попал сектор Левады. У нас всего работало человек двенадцать, вместе с аспирантами. Были хорошо известные в гуманитарных кругах семинары, на которых часто выступали подлинные лидеры тогдашней гуманитарной науки. Вот с этим и расправились, нас разогнали.

— *Куда же Вы подались?*

— Пришлось искать работу. С помощью моего брата и его друзей я попал в редакцию журнала «Вопросы философии». Там главным редактором был Иван Тимофеевич Фролов, впоследствии ставший членом-корреспондентом, а потом и действительным членом Академии наук. В журнал я пришел в 1973 году.

До этого у меня в «Вопросах философии» выходили статьи по проблеме целостности в научном познании (в 1971 году) и проблемам социального управления с анализом западного опыта (в первом номере 1973 года). Вторая из них вместе с опубликованной в том же номере статьей нашего интереснейшего философа Карла Моисеевича Кантора стала поводом для больших разбирательств. В то время дело шло к тому, что Фролова вот-вот назначат директором Института философии АН СССР, но у него было немало влиятельных противников, которые всячески сопротивлялись этому назначению. Они написали донос по поводу наших двух статей. Этим воспользовался тогдашний секретарь по идеологии Московского горкома партии В. Н. Ягодкин, очень усердно выискивавший идеологических врагов. На очередном ежегодном мероприятии в Кремлевском дворце, где преподавателей общест-

венных наук инструктировали по идеологическим вопросам, он и выступил с разносом журнала «Вопросы философии», который, по его мнению, публикует идеологически порочные статьи.

В итоге Фролов так и не стал директором. В какой-то мере в отместку за это он и принял меня на работу в редакцию. До этого у нас с ним были переговоры по поводу моего перехода в журнал, но Фролову, как я понимаю, не понравилось то, что я видел направление своей работы в журнале как «философия науки» (тогда этот термин считался идеологически подозрительным, было принято говорить лишь о «философских вопросах естествознания»; в скобках же замечу, что спустя несколько лет я оказался «соучастником» реабилитации этого термина, когда мне предложили написать статью «философия науки» для «Краткого словаря по философии»). Кроме того, в качестве одного из возможных авторов я назвал имя Левады, уже числившегося среди идеологически неблагонадежных.

В журнале я проработал до 1977 года. Вел тематику философии науки, точнее, у меня были философские вопросы биологии. Эта тематика всегда интересовала Фролова, и мне она тоже была интересна. Постепенно я стал отходить от проблем самоорганизации.

— *Именно с того момента Вы стали двигаться в сторону биоэтики?*

— Не совсем, это направление в моей жизни появилось еще позже. Тогда и слова такого не знали — «биоэтика».

В 1973 году появилась информация о том, что ученые научились разрезать нить ДНК, удалять отдельные ее участки и «вшивать» вместо них чужеродные последовательности от других организмов, и стали широко обсуждаться перспективы этой технологии. Американские ученые, которые сделали это открытие, выступили с предупреждением: введение в организм чужеродной ДНК может привести к самым непредсказуемым и необратимым последствиям.

В частности, один из микроорганизмов, который особенно часто использовался в экс-

периментах, — это вирус кишечной палочки, постоянный обитатель желудка человека. Если в этот вирус вшить ген с особыми свойствами, то вирус может измениться и стать, например, разносчиком рака. Ученые обратились к мировому сообществу с призывом наложить мораторий на подобные эксперименты.

Для обсуждения этого вопроса в американском городке Асиломар (штат Калифорния) в 1975 году была проведена международная конференция. Ее участники согласились с тем, что эти эксперименты можно проводить только с соблюдением особых режимов биологической и физической защиты. В частности, некоторые типы экспериментов можно было проводить только на таких специально конструируемых организмах, которые способны жить лишь в искусственной среде лаборатории. Это давало гарантию защиты: если что-то произойдет и такие организмы попадут в естественную среду, то они не выживут, не распространятся. Было принято решение ранжировать эксперименты по степени опасности. Самые опасные эксперименты, отнесенные к четвертой степени, были вообще запрещены.

По материалам этих дискуссий в «Вопросах философии» (1975, №10) была опубликована моя статья «Рубежи генетики и проблемы этики». Собственно, тогда и начался мой дрейф в направлении этики науки. Вместе с тем я продолжал заниматься и более широким кругом проблем философии и методологии науки.

В начале 1976 года, 5 января, внезапно умер мой брат. К этому времени он уже работал во ВНИИТЭ (Институте технической эстетики). И уже через несколько месяцев среди коллег стали ходить разговоры о том, что мне стоит перебраться в Институт естествознания и техники, директором которого был Семен Романович Микулинский. Произошло же это событие в начале 1977 года.

И опять-таки моему очередному переходу сопутствовала непростая история. В то время ИИЕТ начал выпускать ежегодник «Системные исследования» (он издается

и сейчас, правда, другим Институтом и не всегда регулярно). В первом из выпусков, в 1969 году, была моя небольшая статья о процессах самоорганизации в малых группах. И вот спустя семь лет опять нашлись люди, написавшие донос на всю сферу системных исследований, включая и ежегодник, и, конечно же, его редакторов-составителей, исподволь отходящих от марксизма и насаждающих чуждые идеи. К числу таких идей в доносе отнесли и мои соображения по поводу того, что во взаимодействиях между людьми, составляющими сколько-нибудь устойчивую малую группу, далеко не все происходит по воле начальства, что люди и сами могут так или иначе организовывать свои взаимоотношения. Сегодня даже и мне самому не верится, что эти совершенно невинные мысли были признаны идеологически порочными, но тогда это было именно так...

Тем не менее, в ИИЕТ меня приняли. Заменяю, что мне и самому хотелось перейти на научную работу, поскольку редакционная текучка оставляла для нее очень мало возможностей. В ИИЕТ я пришел в сектор, который возглавлял академик Бонифатий Михайлович Кедров. В институте был собран чрезвычайно сильный коллектив профессионалов, замечательных специалистов: историков физики, химии, математики, биологии, техники. Не менее сильной была и та часть института, в которой работали интереснейшие исследователи в области философских, психологических и социологических проблем науки и ее истории. Здесь я продолжал работать над философскими проблемами науки, прежде всего взаимодействия общественных, естественных и технических наук.

В 1985 году, работая в ИИЕТ, защитил докторскую диссертацию, в которой рассматривались методологические проблемы развития и функционирования научного знания. Если развитие научного знания было тогда обычным объектом методологических исследований, то его функционирование как необходимый момент не только развития, но и самого воспроизводства науки только-только начинало осознаваться как самосто-

ятельная область изучения. В это же время вышла моя книга «Методологический анализ как направление изучения научного познания».

Начиналась перестройка. Микулинского отстранили от руководства институтом, а мне предложили стать главным редактором основанного им журнала «Вопросы естествознания истории и техники». Правда, необходимым условием поставили вступление в партию.

— *Сложно было вступить? Вас пропустили через сито? У Вас ведь такая сложная судьба и все признаки «неблагонадежности»...*

— Когда меня принимали в кандидаты, это происходило не без проблем, которые удалось решить прежде всего благодаря поддержке Фролова, который в то время уже работал на высоких партийных должностях: был сначала помощником М. С. Горбачева, а потом — главным редактором «Правды» и секретарем ЦК КПСС. К моменту же, когда я становился членом партии, позиции самой партии уже стали шаткими, так что вступление в нее воспринималось не столько как рост, сколько как риск...

В 1988 году я перешел на работу в Институт философии, а в 1989 году к нам приехала группа американских философов. От них я и услышал впервые о биоэтике. Меня эта проблематика сразу же чрезвычайно привлекла, можно сказать, то была любовь с первого взгляда. Тогда мы много общались с американскими биоэтиками, а вскоре они организовали поездку для нескольких наших философов, включая и меня, в ведущие центры биоэтики в США.

В 1991 году произошли известные события, партия рассыпалась. Фролов к тому времени начинал организовывать Институт человека, который был создан в 1992 году. У Ивана Тимофеевича был триединый замысел: он хотел создать Институт человека, журнал «Человек» и музей человека. Две первые составляющие удалось реализовать, и в 1992 году Фролов возглавил институт. Увы, институт оказался недолговечным,

в конце 2004 года он перестал существовать. По моему мнению, его закрытие стало ударом по нашей академической гуманитарной науке, ударом, последствия которого будут сказываться еще очень долго.

— *А Вы сразу к Фролову перешли в Институт человека?*

— Да, я оказался там с самого начала, практически с момента основания. Фролов дал возможность мне заниматься биоэтикой, которой весьма серьезно интересовался и сам.

— *Расскажите, пожалуйста, каким образом Вы вошли в европейскую структуру по биоэтике?*

— В 1992 году нам удалось создать в РАН Российский национальный комитет по биоэтике, который тогда возглавили И. Т. Фролов и знаменитый биолог, академик А. А. Бавев. Сейчас их обоих, увы, уже нет в живых, а комитет возглавляет академик Рэм Викторович Петров, я же являюсь его заместителем.

Во всем мире достаточно быстро рос интерес к биоэтике. Так, Совет Европы время от времени собирал специалистов для обсуждения различных биоэтических проблем и подготовки рекомендаций по ним. Сначала это был комитет *ad hoc*, то есть не постоянный, а собирающийся по мере надобности. Потом эту структуру сделали постоянной, поскольку стало ясно, что возникают и будут возникать все новые проблемы, заниматься которыми надо на регулярной основе. К тому моменту, когда Россия вступила в Совет Европы, этот постоянный комитет уже был создан, и я стал в нем российским представителем: по его регламенту в нем работает по крайней мере по одному представителю от каждой страны.

— *Что же все-таки такое биоэтика? Наука или свод правил?*

— Биоэтику можно считать наукой. Но только наука эта не традиционного, а современного типа, в которой невозможно отграничить исследование как получение новых знаний от применения этих знаний. То, что изучают специалисты по биоэтике, волнует не только их, но и самые широкие круги общества.

— *А есть ли у биоэтики как науки основоположники?*

— Сам термин «биоэтика» предложил лет 35 назад американский врач Ван Ранселаар Поттер. Он понимал ее как дисциплину, которая должна была связать естественные и гуманитарные науки, поставив в центр внимания проблему сохранения жизни на нашей планете. Но скоро смысл термина изменился. На первое место вышло междисциплинарное исследование моральных, социальных и юридических проблем, вызванных развитием новейших биомедицинских технологий.

— *Изучаются негативные последствия биомедицинских исследований?*

— Если точнее, то не обязательно негативные, а скорее спорные, неоднозначные. Для биоэтики приоритетны моральные проблемы, порождаемые прогрессом биологии и медицины. Но в последние годы все чаще вспоминают и более широкую трактовку Поттера. К примеру, методы генной инженерии находят применение не только в медицине, но и в производстве продуктов питания. Безопасны ли такие генетически модифицированные организмы? Не несут ли они угрозу биологическому разнообразию?

Для медицины большим вопросом все чаще становится тема социальной справедливости. Например, часто говорят о соотношении «90:10». Речь идет о том, что 90% средств, расходуемых в мире на биомедицинские исследования, направляется на борьбу с теми заболеваниями, от которых страдает всего лишь 10% мирового населения. В то же время на борьбу с болезнями, которые наиболее распространены среди 90% населения, прежде всего в развивающихся странах, тратится только 10% средств, идущих на финансирование биомедицинских исследований. Это несправедливо. Да и в самих развитых государствах нет равного доступа людей к достижениям современной медицины...

По сути, биоэтика выступает как область поиска общеприемлемых решений. В дискуссии вовлекаются представители самых раз-

ных областей научного знания, политики, священнослужители, юристы, рядовые граждане. В результате получается не просто новое знание, но и вырабатываются рекомендации. Они имеют моральную, а иногда даже и юридическую силу. Поэтому биоэтику можно считать и сводом правил.

— *У врачей есть свой свод правил — клятва Гиппократова. Но, похоже, сейчас медицинская практика стала противоречить отдельным ее положениям. Что делать: снимать противоречия или переписывать клятву?*

— Безусловно, клятва Гиппократова продолжает оставаться краеугольным камнем медицинской этики. Благо больного — прежде всего. Но вместе с тем некоторые формулировки клятвы сегодня не стоит воспринимать буквально. Так, врач обещает направлять «режим больных к их выгоде сообразно с моими силами и моим разумением». Сегодня «выгода больного» определяется не только врачом. Больной тоже участвует в этом. Врач же обязан информировать его о диагнозе и прогнозе заболевания, об альтернативных методах лечения с тем, чтобы на основе этой информации и собственных представлений о своем благе он мог принимать самостоятельные решения. Другой момент. Гиппократовский врач клялся держать полученные от учителя медицинские знания в тайне, сегодня же доступ к ним никем не ограничивается.

— *Если говорить о пересмотре старых представлений, то как сегодня определяются основные понятия человеческого существования — «жизнь» и «смерть»?*

— Ответы на эти вопросы зависят не только от биомедицинских знаний или от решений законодателей, но и от культурных норм, господствующих в обществе. Поэтому бывает и так, что найти решение, которое удовлетворяло бы всех, просто не удается.

Когда начинается жизнь? Одни ведут отсчет от момента зачатия, другие — от той или иной стадии развития эмбриона, третьи — от момента появления новорожденного на свет, четвертые — даже от появления созна-

ния у младенцев. А от решения этого вопроса зависит, будем ли мы считать допустимыми те или иные манипуляции с человеческими эмбрионами.

С определением смерти другие проблемы. Современные технологии поддержания жизни (такие, как искусственная вентиляция легких) позволяют продлевать биологическое функционирование организма, когда сознание уже безвозвратно потеряно. Вы помните недавние тяжбы вокруг судьбы американки Терри Шиаво? Она находилась в таком состоянии в течение 15 лет. Но все же ее жизнедеятельность прекратили, несмотря на несогласие не только родителей, но и многих политиков и даже рядовых граждан.

Сегодня законы многих стран, в том числе и России, позволяют считать умершим человека по такому критерию, как «смерть мозга». А это вызывает новые моральные проблемы. Ведь если тело близкого вам человека теплое, если есть дыхание, вам тяжело согласиться с медиками, с юристами, что он мертв. В некоторых странах этот вопрос решается так: если родственники не согласны с диагнозом смерти мозга, то она определяется по традиционным критериям (прекращение дыхания, кровообращения).

А между прочим, применение диагноза «смерть мозга» позволяет использовать жизненно важные органы такого пациента для пересадки другим людям. Но развитие трансплантологии порождает свои моральные проблемы.

— *В чем же заключаются эти проблемы?*

— В отношении живых доноров у нас, в России достаточно жесткое законодательство, и оно вполне согласуется с международным правом. Живым донором может быть только человек, который находится в генетическом родстве с реципиентом. Самый распространенный случай: пересадка почки между братьями и (или) сестрами.

С органами умершего донора сложнее. Например, в США и во многих европейских странах действует «презумпция несогласия». Скажем, человека сбивает машина. У него констатируют смерть мозга. Его вну-

тренные органы в первые часы смерти пригодны для пересадки больным. Технически их можно изымать и использовать. Но этого нельзя делать, если он заранее, при жизни, не уведомил о своем согласии на донорство органов. Отметка об этом есть в его документах. Если нет отметки, то согласие должно испрашиваться у его родственников.

В российском законе о трансплантации действует обратная норма — «презумпция согласия». Если не возражают родственники и если человек не выражал своего несогласия стать посмертным донором, то считается, что согласие есть. Но при этом непонятно, как можно юридически оформить это несогласие? Возьмем устное волеизъявление. Человек говорил своим знакомым о своем несогласии. Внезапно он умирает от несчастного случая. Врачи могут не утруждать себя поисками его мнения и свидетелей. Ведь дело решают минуты и часы, пока органы еще живы и могут быть пригодными для пересадки.

— *А если человек напишет заявление наподобие завещания о своем несогласии?*

— А где это «завещание» будет? Будут ли знать о нем медики? Нет. Да и будут ли они его искать? Ведь их никто не обязывает это делать.

— *Но, допустим, такой документ обнаружился после...*

— Было бы интересно проследить за развитием событий в этом случае. Но такого прецедента, насколько я знаю, у нас еще не было.

— *Значит, все могут решить только родственники? И то, если успеют?..*

— Да, получается так... Но не думайте, что врачи только и ждут, чтобы получить свежий труп на органы. Медики работают в разных специализациях, по группам. Одна группа — невропатологи, реаниматологи и другие — «ведут» больных, борются за их жизнь. Вторая группа собирает сведения о тех, кто может вскоре умереть, ведет учет и распределение органов. Это служба типирования органов. И третья — собственно трансплантологи. У них свои больные, ожидающие донорских органов.

Наверно, самая тяжелая работа у первой группы. Ведь в какой-то момент мотивация должна переключиться: вместо борьбы за продление жизни необходимо заниматься спасением его органов для другого человека. Они-то и обязаны оперативно сообщать службе типирования о потенциальном доноре.

— *Россия имеет свои специфические нормы и правила. Именно они не позволяют нашей стране принять основной европейский документ о защите прав и достоинства человека в связи с использованием достижений биологии и медицины — Конвенцию о биоэтике?*

— Нет, принципиальных расхождений с конвенцией в нашем законодательстве я не вижу. На слушаниях в Госдуме, на медицинских конференциях — везде говорят о том, что нашей стране надо подписать этот документ. Но дело все время затягивается, и я не могу понять, почему. Конечно, подпись ставит президент или премьер-министр, потом начинается процесс ратификации в парламенте. Но какое ведомство, какая структура должна готовить решение о подписании? Все предпочитают кивать друг на друга... Происходит то, что называют перекалыванием горячего картофеля из одних рук в другие. Похоже, что проблема в значительной мере бюрократическая.

— *А в чем заключается Ваша работа в Комитете по биоэтике?*

— Представители стран — членов Совета Европы работают над дополнительными протоколами к конвенции, над другими нормативными документами. Уже приняты протоколы о трансплантации, о биомедицинских исследованиях, о запрете клонирования человека. Как и конвенция, они являются юридически обязывающими документами. Собираемся несколько раз в год, обсуждаем вопросы, представляем позицию своих государств. В большинстве стран к этим проблемам относятся чрезвычайно серьезно. Некоторые, например Германия, Франция, даже присылают за свой счет дополнительных представителей. Сейчас гото-

вится протокол о генетике человека. Я предлагаю расширить российскую делегацию на этих обсуждениях, включив специалиста по генетике. Но, увы, не получаю никакого ответа.

— *Значит ли все это, что к биоэтическим проблемам в нашей стране относятся недостаточно серьезно?*

— Я бы не вполне согласился с этим. И среди специалистов, и среди общественности интерес к этой проблематике быстро растет. Но вот политической воли к тому, чтобы защищать права человека в этой новой и бурно развивающейся области, как и понимания сути возникающих здесь проблем, явно не хватает...

— *А с чего началось Ваше сотрудничество с Московским гуманитарным университетом?*

— Это началось три с небольшим года назад. Я тогда был директором Института человека, взял на работу Юрия Михайловича Резника. Он очень энергичный человек, все-

гда ищет контакты, новые формы сотрудничества. Он и предложил мне приехать сюда, в МосГУ. Мы и приехали, встретились с Игорем Михайловичем Ильинским и Валерием Андреевичем Луковым. Договорились о том, что я буду научным руководителем центра в составе университета. Впоследствии, в феврале 2004 года, был создан Институт гуманитарных исследований, в котором я стал научным руководителем.

В первый год я старался как можно внимательней присматриваться, что называется, изучал обстановку. Я так понял, что и ко мне присматривались. Через некоторое время уже определились с фронтом работ, я понял, что здесь можно вести самые серьезные исследования. С нового 2006 года в Институте гуманитарных исследований МосГУ создали Центр биоэтики, который мне было предложено возглавить, с чем я согласился без каких бы то ни было колебаний.

Беседовала
Ч. К. ДАРГЫН-ООЛ